

МОЛИТВА

Так пусто, холодно за спиной...
Как будто снегом мой сад укрыло.
Не требуй много, Создатель мой –
Мне просто вечности не хватило.

Я не был богом, но мог спасти
В своих ладонях живые звёзды...
Как сгустки крови в моей горсти.
Да, я пытался. Но поздно, поздно...

Всё время делал не то, не так,
И вот полжизни прошло впустую...
Пока меня не окутал мрак,
Позволь, я что-нибудь нарисую?

Траву и солнце. Морскую гладь.
Почти открытка «привет из рая».
Прости. Ты должен меня понять –
Я просто гибну не создавая...

Я доверяю тебе – себя.
Телёнком глупым в ладони тычась...
На «до» и «после» всю жизнь дробя.
Любовь – прибавить.
Гордыню – вычесть.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Валентина Петровна ужасно боится смерти –
Как сбежать от безносой в свои девяносто пять?
Не нужна эта бабка вообще никому на свете,
В катафалк превращается ночью её кровать.

Не заснуть – ведь когда-нибудь точно наступит это?
И в трёхкомнатном склепе под утро её найдут...
Как щитом, заслоняется кошкой, в ногах пригретой,
Может, смерть и отступит, коль Муся воркует тут?

Не забыть соцработницу Люсю послать в аптеку...
Список бадов и прочих волшебных пилюль готов.
За попытку бессмертия нужно платить по чеку,
Но за деньги – увы! – не кушать безмятежных снов.

Четверть века прошло, как она схоронила мужа.
Жили дружно, а что не любила – уже не в счёт.
...Только каждую ночь в изголовье кошмары кружат,
И покойный Витюша её за собой зовёт.

И былую упругость пытается вспомнить тело,
А в груди, не узнавшей любви, оживает вдруг
Очерствевшее сердце – ни разу ведь не болело,
Провожая супруга, знакомых, друзей, подруг.

...Соцработница Люся залезть помогает в ванну,
Раздражённо морщинистый панцирь мочалкой трёт...
Валентина Петровна готова к самообману –
Вместе с пеной и возраст уходит – за годом год.

Дребезжащим своим голоском напевает нечто,
Как танцовщица кордебалета, трясёт ногой...
Ей бы жить-поживать – как холодному камню – вечно.
И под тёплыми ливнями вечность стоять нагой...

...В белоснежной сорочке блаженно лежит под пледом,
Светлый сон подбирается тихо – как на заказ.
Кошка лезет под плед, смерть за ней заползает следом
И поёт колыбельную в самый последний раз...

ГРАНИТ

За дверью – жара июля, а здесь до озноба зябко.
Гранитная пыль летает, привычно жужжит сверло...
Работы ему хватает – от фото распухла папка.
Смерть тоже не отдыхает, берёт под своё крыло.

Девчонка. Старик в медалях. Младенец. Солдат. Подросток...
Ведь то, что кому-то – горе, для мастера только труд.
Машинные заготовки. Навскидку всё очень просто.
И можно не суетиться – «натурщики» подождут.

Он в этом почти что Рембрандт – из мрака выводит лица,
Светлеют глаза чужие под чуткой его рукой.
Вот родственники. Довольны – торопятся расплатиться.
И снова: плита, жужжанье, размеренность и покой.

За это неплохо платят. Премудростям быстро учат –
«Конфетку» из брака сделать, улучшив размытый вид.
И буднично мысль приходит: неплохо б на всякий случай
Хорошее сделать фото. И пусть себе полежит.